

PHILOLOGY OF THE EAST
Literature of the peoples of the world
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА
Литература народов мира

Научная статья

Филологические науки

УДК 81'36:81'255.2

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-4-5-741-761>

**Теоретические воззрения Ибн Фархата
в *Bahth al-maTālib wa hathth al-Tālib***

Мухлисабону Тургуновна Ишанханова

*Международная исламская академия Узбекистана, Ташкент, Узбекистан,
ishankhanovamuxlisabona@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0221-0556>*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические взгляды ученого, религиозного деятеля, искусного переводчика Габриэля Германа Фархата (1670–1732) на традиционную арабскую грамматику в контексте с более ранних лингвистических трудов мусульманских авторов. Обнаруживаются важные особенности новаторских подходов Габриэля Германа Фархата при составлении грамматического трактата *Bahth al-maTālib wa hathth al-Tālib*, который представлял собой своеобразное руководство для изучающих арабский язык и впоследствии использовался в качестве учебного пособия в школах Сирии, входящей в состав Османской империи, особенно в полуавтономном районе Горный Ливан и в городе Бейруте (Ливан) на протяжении свыше 200 лет, вплоть до середины XX в. Особое внимание уделяется рассмотрению упрощения арабской грамматики Габриэлем Германом Фархатом и его субъективного взгляда на некоторые морфологические и синтаксические аспекты. Анализируется классификация производных форм глагола, а также грамматических конструкций, предложенная автором трактата. В статье говорится о том, что идеи и методы, использованные автором в его труде *Bahth al-maTālib wa hathth al-Tālib*, были продолжены последующими исследователями, и что данный трактат является отправной точкой для изучения мусульманской арабской грамматики в светском контексте.

Ключевые слова: арабский язык, грамматика, ранние грамматические сочинения, морфология, синтаксис

Благодарности: Автор благодарит Н. И. Серикова (Институт востоковедения РАН), Ш. Шамусарова (Ташкентский государственный университет востоковедения), А. Казакбаева (Международная исламская академия Узбекистана) за конструктивные замечания.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Ишанханова М. Т., 2025
© Ориенталистика, 2025

Для цитирования: Ишанханова М. Т. Теоретические воззрения Ибн Фархата в “*Bahth al-maTālib wa hathth al-Tālib*”. *Ориенталистика*. 2025;8(4-5):741-761. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-4-5-741-761>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-4-5-741-761>

Philology studies

Theoretical views of Ibn Farhat in *Bahth al-maTālib wa hathth al-Tālib*

Muxlisabonu Turgunovna Ishankhanova

International Islamic Academy of Uzbekistan Tashkent, Uzbekistan,
ishankhanovamuxlisabona@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0221-0556>

Abstract. The article examines the theoretical views of the scholar, religious figure, and skilled translator Gabriel Herman Farhat (1670–1732) on traditional Arabic grammar in the context of earlier linguistic works by Muslim authors. It reveals important features of Gabriel Herman Farhat’s innovative approaches to compiling the grammatical treatise *Bahth al-maTālib wa hathth al-Tālib*, which served as a kind of guide for those studying Arabic and was subsequently used as a teaching aid in schools in the Arab provinces of the Ottoman Empire, especially in the semi-autonomous region of Mount Lebanon and in the city of Beirut (Lebanon) for over 200 years, until the mid-20th century. Particular attention is paid to the consideration of Gabriel Herman Farhat’s simplification of Arabic grammar and his subjective view on some morphological and syntactic aspects. The classification of verb derivatives and sentences proposed by the author of the treatise is analyzed. The article states that the ideas and methods used by the author in *Bahth al-maTālib wa hathth al-Tālib* were continued by subsequent researchers, and that this treatise is a starting point for acquiring Muslim Arabic grammar in a secular context.

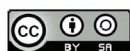
Keywords: Arabic language, grammar, early grammatical works, morphology, syntax

Acknowledgments: The author thanks N. I. Serikoff (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences), Sh. Shamusarov (Tashkent State University of Oriental Studies), A. Kazakbaev (International Islamic Academy of Uzbekistan) for constructive comments.

For citation: Ishankhanova M. T. Theoretical views of Ibn Farhat in “*Bahth al-maTālib wa hathth al-Tālib*”. *Orientalistica*. 2025;8(4-5):741-761. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-4-5-741-761>.

Вступительные замечания

Арабская лингвистическая традиция, сформировавшаяся на основе трудов выдающихся ученых арабского мира, представляет собой многовековой процесс развития грамматических теорий. Как и другие мировые лингвистиче-

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

ские школы, она прошла через этапы становления, расцвета и последующей трансформации под влиянием новых научных идей и культурных контекстов [Рыбалкин, 2003, с. 206].

Как известно, XIII–XVIII вв. ознаменовались упадком арабского языка. Политические изменения, связанные с усилением Османской империи и турецкой экспансией, привели к вытеснению арабского из государственных и образовательных сфер. Социальные факторы, такие как консерватизм и снижение интереса к светским наукам, усугубили ситуацию. Вместо создания новых произведений филологи все больше времени уделяли анализу и толкованию уже существующих текстов, что привело к застою лингвистического творчества и постепенному исчезновению традиционных жанров [Адрианов].

В период, когда арабский язык нуждался в реформах, маронитский¹ архиепископ Алеппо² и ученый-арабист Габриэль Герман Фархат³ [Сериков, 2020, с. 144–145; Галиметдинова, 2022, с. 10–15; Сарабьев, 2006, с. 358–359] (далее — Ибн Фархат) выступил с новаторским трактатом по грамматике арабского языка *Baḥṭh al-maṭālib wa haṭḥ al-ṭālib*⁴ («Исследование вопросов и стимулирование изучающего [арабский язык]»⁵, далее — *Baḥṭh al-maṭālib*⁶). Благодаря

¹ Марониты представляют собой этноконфессиональную группу, исторически сложившуюся на территории Северной Сирии и Ливана. Как восточнокатолическая церковь марониты сохраняют ряд уникальных богословских и литургических традиций, в том числе использование арамейского языка в богослужении.

² Алеппо (или Халеб) — крупнейший город Сирии и центр одноименной провинции. Расположенный в исторической области Горы Симеона, он на протяжении многих веков был одним из самых важных городов Ближнего Востока. Благодаря богатой истории и культуре Алеппо долгое время считался одним из крупнейших городов Османской империи.

³ В статьях этих российских ученых приводятся сведения о жизни и творчестве Ибн Фархата и библиография, которая здесь не приводится.

⁴ В данном исследовании для передачи арабских звуков использована транскрипция, принятая английским востоковедом Варвиком Данксом (Warwick Richard Danks) (см.: [Danks, 2011, p. 301]).

⁵ В работах исследователей, упоминавших этот труд Ибн Фархата мимоходом, его название *Baḥṭh al-maṭālib* переводили по-разному. Так, А. Е. Крымский, а следом за ним А. М. Ханафеева озаглавили его «Толковая грамматика» [Крымский, 2022, с. 136–137; Ханафеева, 2008]. А. В. Сарабьев не счел необходимым переводить название сочинения до конца и ограничился лишь переводом первой его части, поставив далее многоточие: «Исследование проблем ...» [Сарабьев, 2011]. Зарубежный исследователь Энтони Эдвардс (Anthony Edwards) перевел этот источник как “Issues Desired by Students Required”, при этом ученный в своей диссертации Роль арабского языка в ученых обществах Бейрута 1846–1869 гг. (“Performing Arabic at the Learned Societies of Beirut”, 1846–1869) дважды упоминает “*Baḥṭh al-maṭālib*” и оба раза по-разному: *Baḥṭh al-maṭālib wa-Ḥaṭḥ al-ṭālib* [Edwards, 2015, p. 42], что соответствует оригиналу, и *Baḥṭh al-maṭālib fī Ḥaṭḥ al-ṭālib* [Edwards, 2015, p. 178].

⁶ В статье была использована оцифрованная копия этого источника: Ибн Фархат. “*Baḥṭh al-maṭālib wa ḥaṣṣ al-ṭālib*”. Рукопись в фонде Национальной библиотеки Израиля в Иерусалиме, Инв. № 397. Л. 1^а–105^а. — Электронный ресурс: URL: [https://www.nli.org.il/ar/manuscripts/NNL_ALEPH003366587/NLI#\\$FL144668385/](https://www.nli.org.il/ar/manuscripts/NNL_ALEPH003366587/NLI#$FL144668385/) (дата обращения: 20.07.2024). В настоящем исследовании использована рукописная версия труда

этому труду арабская грамматика стала более доступной для широкого круга людей, избавившись от излишней сложности, которую автор называл «утомительными толкованиями и замысловатыми контраргументами». *Bahth al-maTālib* стал отправной точкой для последующих изменений в арабской грамматике. В XIX в. эти изменения привели к формированию современной арабской грамматики, характеризующейся более простой синтаксической структурой, измененной пунктуацией и обновленным лексическим составом [Адрианов].

Известно, что авторы грамматических сочинений в основном преследовали две цели: дидактическую (для преподавания арабского языка) и теоретическую (для разработки методологических и метатеоретических аспектов учения) [Нурманова, 1994, с. 5–6]. Следует отметить, что Ибн Фархат преследовал дидактическую цель при составлении *Bahth al-maTālib*, где использовал собственный методологический подход, основанный на личном опыте преподавания. По мнению Н. И. Серикова, обращение Ибн Фархата к проблемам языкознания не было случайным, поскольку современные ему арабские христианские авторы, как и их предшественники, нередко писали на безграмотном, с точки зрения мусульманских ученых-грамматиков, арабском языке. «Исправление» языка своих единоверцев и выработка норм «классически хорошего, но не вычурного арабского языка» были одними из основных задач Ибн Фархата [Сериков, 2020, с. 145]. Сам Ибн Фархат о причине составления своего труда пишет следующее:

«[...] Когда я увидел заинтересованность христиан узнать правила арабского языка и основы его грамматики, однако у них [оказались] руки коротки (يدهم تقصر) для достижения своей цели в силу обстоятельств, которые заставляют отказаться от этого интереса, и [у них] связаны руки (تقرن الأكفاف). [Это навело меня на мысль] протянуть им руку братского рвения (يد الغيرة الأخوية) и желания отцовской природы (حنين الطبيعة الأبوية) для решения этой сложной ситуации и устранения неясного положения. [...] И составил я грамматическое произведение, состоящее из предисловия, трех книг и заключения [...]» [*Bahth al-maTālib*, л. 1^a-2^a].

Автор адресовал свой труд изучающим арабский язык различных уровней. По словам Ибн Фархата, его работа представляет собой «разъяснение для начинающих, наставление для продолжающих и маяк для знатоков» [*Bahth al-maTālib*, л. 150^a]. Известным ученым А. Е. Крымским (1871–1942) отмечено, что Ибн Фархат своим примером содействовал разрушению глубоко укоренившегося предубеждения, будто арабы-христиане не способны в совершенстве овладеть литературно-классическим арабским языком, в отличие от арабов-мусульман. Это предубеждение было настолько сильным, что, несмотря на деятельность Ибн Фархата, потребовалось еще около полутора столетий для его преодоления. Лишь появление ряда других христианских ученых-филологов позволило наконец убедить мусульман в обратном [Крымский, 2022, с. 137].

Ибн Фархата. Это обусловлено тем, что последующие отредактированные и опубликованные издания не в полной мере отражают оригинальный текст. При сравнительном анализе выявлены случаи сокращения отдельных фрагментов и частей произведения.

Настоящее исследование посвящено особому подходу Ибн Фархата к теориям арабской лингвистической традиции в контексте более ранних грамматических трудов, специфике изложения грамматики для христианской аудитории, влиянию взглядов арабского лингвиста на последующие грамматические труды.

Христианский взгляд на мусульманскую арабскую грамматику

На протяжении веков грамматические теории, структурные методы анализа языка, положения фонетической теории, этимологические изыскания арабского языка и другие аспекты арабского языкознания разрабатывались мусульманскими авторами, среди которых числятся также представители неарабских народов. Эти грамматические труды были ориентированы на носителей языка и преследовали цель приобщения к чистому источнику исламского богословского наследия, т. е. научить людей понимать Священную книгу мусульман, хадисы, книги ученых по различным религиозным наукам. В большинстве случаев труды ранних грамматистов были рассчитаны не на рядового пользователя, а на специалистов, хорошо ориентирующихся в значении их терминологии, и были сложны для понимания [Рыбалкин, 2003, с. 165].

Такая ситуация с обучением языку не устраивала Ибн Фархата, который критиковал чрезмерную детализацию и многочисленные исключения, характерные для традиционной арабской грамматики [*Bahth al-maTālib*, л. 2^a]. Следует отметить, что вопрос об упрощении грамматики арабского языка поднимался еще в XII в. андалусским грамматистом Ибн Мала ал-Куртуби в его труде «Ответ грамматистам». Он утверждал, что грамматисты создали искусство грамматики ради сохранения чистого правильного арабского языка и цели своей достигли, однако при этом они добавили к своей науке много лишнего, ненужного, и, если очистить грамматику от всего сомнительного, она стала бы наукой ясной и убедительной [Нурманова, 1994, с. 10–11]. Критика ал-Куртуби, как отмечает А. Нурманова, осталась эпизодом без последствий в рамках классического периода [Нурманова, 1994, с. 20]. Ибн Фархат, как и ал-Куртуби, считал, что многие грамматические правила слишком сложны и не имеют практической ценности для большинства изучающих язык. Это подтолкнуло Ибн Фархата к созданию грамматического трактата, который был бы понятен не только профессиональным лингвистам, но и широкой аудитории. Вот что он писал об этом:

«Я поспешил приподнять завесу, нависшую над арабским языком... Я составил текст, состоящий из введения, трех глав и заключения. Я собрал принципы арабской морфологии и синтаксиса, которые были разбросаны по разным книгам. Я выделил то, что нам нужно, и убрал то, что было для нас странным... Я опустил утомительные толкования и ущербные контраргументы. Когда я увидел, что Ибн аль-Хаджиб скрывал понимание своими подробными рассказами, и Ибн Хишам разрушал [любые] иллюзии [овладения языком] своими намерениями, а Ибн Малик подчинил себе умы своими излишествами [я понял], что это только преувеличенное исследование и тщательно продуманное расследование. Или [может быть], что они преследуют цель,

которая нас не касается, и она нам не нужна. Поэтому они в одной долине, а мы в другой» [*Bahth al-maTālib*, л. 2^а].

Вышеотмеченный Ибн Мала ал-Куртуби считал, что схоластическое теоретизирование грамматики является ненужным и беспочвенным, и, по мнению ученого, от этих бесконечных рассуждений необходимо очистить грамматику [Нурманова, 1994, с. 11]. Первый шаг в этом направлении сделал Ибн Фархат: он адаптировал свой грамматический труд христианской аудитории, отказавшись от традиционных примеров из Священной Книги мусульман, хадисов и доисламской поэзии. Он цитировал в *Bahth al-maTālib* Евангелие, цитаты обычно предварялись словами — «как сказано в Евангелии», приводил примеры, где фигурируют христианские имена Петр, Павел, Мария наряду с общеизвестными арабскими — Зейд, Умар и др. Более того, Ибн Фархат, сохраняя традиции написания предисловия восточных рукописей, переделал их на христианский манер [Сериков, 2020]. Он начинает свой трактат *Bahth al-maTālib* с христианской *basmala* (*Во имя Отца, Сына, Святого Духа, единого Бога*), после восхваления Бога, вместо слова благословения и приветствия Пророку Мухаммаду — воззвание к Пророку Иисусу, и далее все следует в христианском духе: выражение почтения Святому Духу и восхваление Святой Троицы [*Bahth al-maTālib*, л. 1^а].

Этим автор стремился показать, что арабская грамматика не является исключительной принадлежностью мусульманского научного сообщества и может быть адаптирована для выражения христианских концепций, что свидетельствует о его стремлении к расширению границ лингвистической традиции и, возможно, к межрелигиозному диалогу. Видимо, поэтому Ибн Фархат нейтрален в плане религии, несмотря на то что он в своем трактате не приводит имя Пророка Мухаммада (571–632), тем не менее он упоминает имя его зятя и четвертого Халифа Али бин Аби Талиба (599/601–661) [*Bahth al-maTālib*, л. 57^а]. Местами все же автор подчеркивает, что Ислам возник после Христианства. Вот его слова:

«Арабы, у которых взят арабский язык, достоверный арабский язык, являются сыновьями Кайса, Тамима, Асада, Хузайла и других некоторых племен. [Однако], когда появились мусульмане в VII веке после Нашего Господина Иисуса Христа — Да падем ниц перед ним — этому языку (т. е. арабскому языку) придали форму, чтобы различить правильное от испорченного, и — это морфология и синтаксис» [*Bahth al-maTālib*, л. 14^а–15^а].

Ибн Фархат, опираясь на ранние классические работы, стремился представить грамматические правила в более логичной и последовательной форме, уделяя особое внимание практической стороне грамматики, и сделать ее более актуальной и полезной для повседневного общения. Для иллюстрации грамматических правил Ибн Фархат приводил примеры с использованием современной лексики, избегая устаревших и архаичных слов и выражений. Он считал, что грамматика должна отражать реальное использование языка, а не только теоретические построения. Рассматривая те или иные грамматические явления, Ибн Фархат высказывал свое субъективное мнение относительно того или иного грамматического явления. К примеру, следующая цитата:

«[...] Алфавит арабского языка состоит из 28 букв. Первая из них ^ا, а последняя ^{ياء}. Они все собраны в следующих словах:

ابجد هوز حطي كلمن سعفص قرشت ثخذ ضظغ

Они так собраны по двум причинам. Первая из них — соблюдение буквенного счета, когда начиная с ^ا до буквы ^ط означает единицы, от ^{ياء} до ^ص десятки, от ^ق до ^ظ сотни, а буква ^غ — тысячу. Вторая причина, следуя за ассирийским языком, в котором эти слова расположены в порядке вышеприведенного буквенного счета. Так как ассирийский является «стволом», а арабский его «ветвью», то «ветвь» должна следовать за «стволом». Доказательством этого является [Пророк] Ибрагим аль-Килдани, язык которого был ассирийским, а сын его [Пророк] Исмаил считается предком арабов, поэтому арабы [являются] «ветвью» ассирийцев» [*Bahth al-maTālib*, л. 8].

Этот отрывок является явным свидетельством того, что Ибн Фархат не только черпал все необходимое из более ранних классических источников, но и имел собственное мнение по всем грамматическим вопросам, которое он уверенно выражал в своем трактате. Тем не менее Бутрус аль-Бустани (1819–1883) в комментарии к этому отрывку не согласился с Ибн Фархатом и писал, что «Пророк Исмаил является прадедом арабизированного населения. Однако это не дает основания относить арабский язык к ассирийскому, считая его «ветвью»» [BuTrus al-Bustāni, 1854, с. 2].

Ряд ученых, в том числе и А. Е. Крымский, видели возможное влияние европейской лингвистической традиции на составление Ибн Фархатом трактата *Bahth al-maTālib* [Крымский, 2022, с. 137]. Однако изучение этого труда показывает, что Ибн Фархат опирался на традиционные арабские грамматические концепции (начиная с деления частей речи на три категории и кончая синтаксическими конструкциями) и не интегрировал в свою работу европейские лингвистические теории того времени. Тем не менее структурирование текста по принципу от алфавита к заключению, с четким разделением на разделы (*bahth*) и подразделы (*maTlab*), а также наличие подробного оглавления (*fihrist*) — все это отличает труд Ибн Фархата от более ранних арабских грамматических трудов. Описывая свой трактат, автор фиксирует, что *Bahth al-maTālib* «состоит из 21 части, 109 глав и 409 параграфов» [*Bahth al-maTālib*, л. 7^а].

Скорее всего, Ибн Фархат в оформлении своей книги, а точнее в последовательности рассмотрения языковых явлений (алфавит, морфология, синтаксис), следовал примеру Т. Эрпениуса (1584–1624), голландского автора учебника арабской грамматики на латинском языке, изданного в 1620 г., который, по мнению ученых, положил начало «одному из первых европейских письменных методических изложений классического арабского языка» [Рыбалкин, 2003, с. 22]. Т. Эрпениус начинает свой труд с алфавита, продолжает с объяснения огласовок, определенного артикля *al* [Эрпениус, 1620, с. 2–19]. Тем не менее есть достаточные различия между подходами этих двух авторов. Так, к примеру, Т. Эрпениус, в отличие от Ибн Фархата, прежде чем рассматривать глаголы и их разновидности, сначала говорит об изменении слабых букв и провисании *hamza* [Эрпениус, 1620, с. 20–32], в то время как

Ибн Фархат рассматривает эту тему перед освещением неправильных глаголов [*Bahth al-maTālib*, л. 27^a-28^a]. Более того, говоря о породах, Т. Эрпениус приводит их в том порядке, в котором распределяет их современная европейская арабистика [Эрпениус, 1620, с. 35]. Он использует глагол *naSara* («победить») вместо *fa'ala* («делать») и ограничивается лишь приведением 13 пород. Что касается Ибн Фархата, то он приводит породы согласно традиции арабской лингвистики, используя модели от корня *fa'ala*, и он начинает с IV породы, затем приводит II породу. Кроме того, переходя непосредственно к рассмотрению глагола, Т. Эрпениус разъясняет вначале правильные глаголы, их спряжение в прошедшем, настоящее-будущем времени (в действительном и страдательном залогах), наклонения, причастия, далее переходит в той же последовательности к неправильным глаголам [Эрпениус, 1620, с. 33–109]. В качестве инфинитива глагола он берет *maSdar*, следуя учению басрийской грамматической школы. В разделе об имени он говорит о видах имени, грамматическом роде, числе, падежах, числительных, местоимениях, имени места и действия, имени единичности [Эрпениус, 1620, с. 110–164]. Далее речь идет о частицах [Эрпениус, 1620, с. 165–172]. Следом идет небольшой раздел о синтаксисе.

Следует отметить, что, скорее всего, Ибн Фархат заимствовал всего лишь последовательность языковых явлений (алфавит, морфология, синтаксис), а не то, что составляет разделы книги Эрпениуса. Следует отметить, что главной отличительной чертой Ибн Фархата было то, что он объяснял грамматические темы в стиле, приближенном к европейскому. Обратим внимание на следующий отрывок о синтаксисе, т. е. *nahw*:

«*Nahw*, лексическое значение которого означает цель, а в качестве термина — это наука о правилах, благодаря которым можно узнать, является ли слово изменяющимся или не изменяющимся по падежам. Целью этой науки является знание об изменениях по флексиям, которое означает выражение подлежащего в именительном падеже, дополнения в винительном, а *muDāf* в родительном падежах [*Bahth al-maTālib*, л. 57^a].»

Этот отрывок явно показывает изложение научного материала в силе, близком к европейскому, где дается определение, указываются цель и объект грамматического явления. Более того, по сравнению с ранними авторами, такими как Ибн аль-Хаджиб и Ибн Фархат, вопрос о категории определенности и неопределенности исследуется следующим образом: сначала рассматриваются способы выражения неопределенности, а затем объясняется, как слова выражаются в определенном состоянии [*Bahth al-maTālib*, л. 59^b]. О. В. Галиметдиновой отмечено, что усвоение Ибн Фархатом всего лучшего, чем богаты западная и восточная традиции, нашло отражение в его литературном творчестве [Галиметдинова, 2022, с. 10]. Со своей стороны могу констатировать, что эти знания, почерпнутые Ибн Фархатом как из восточных, так и из западных наук, легли в основу его грамматического трактата *Bahth al-maTālib*.

Ибн Фархат — родоначальник движения грамматического упрощения

Введенное Ибн Фархатом упрощение арабской грамматики охватывало как морфологию, так и синтаксис. При классификации производных пород трехбуквенных глаголов он отходит от традиционного подхода и сокращает их число с 15 до 10 [*Bahth al-maTālib*, л. 12^b-13^a]. Критерием отбора послужила степень активности использования той или иной породы в речи. Предложенная автором классификация стала образцом для многих последующих исследований в области арабской грамматики, к примеру, в *Miftāh al-miSbāh fī al-Sarf va al-nahw* (далее *Miftāh al-miSbāh* — «Ключ к светильнику по морфологическим и синтаксическим вопросам») Бутруса аль-Бустани (1819–1883).

Упрощение касалось не только производных пород. К примеру, Замахшари (1075–1144) в *MufaSSal fī al-nahw* («Разделанная на главы [книга] в науке о *nahw*», далее — *MufaSSal*) отмечает три варианта выражения *ʿasa* («быть возможным») с основным смысловым глаголом:

- 1) *ʿasa* выражается в прошедшем времени, как *ʿasayta an tafʿala* («возможно, ты сделаешь»);
- 2) *ʿasa* не меняется и остается в неизменяемой форме при спряжении *ʿasa an tafʿala* («возможно, ты сделаешь»);
- 3) к глаголу *ʿasa* добавляются соответствующие притяжательные местоимения *ʿasānī an afʿala* («возможно, я сделаю») [Zamakhshari, 1859, p. 122].

Ибн Фархат в своем трактате упоминает только первые два способа, не рассматривая вариант с добавлением притяжательного местоимения [*Bahth al-maTālib*, л. 80^a].

Говоря о словообразовании [Акмалхонов, 2020, с. 47], Ибн Фархат приводил различные взгляды представителей двух грамматических школ: куфийской и басрийской — в вопросе об основе словообразования [*Bahth al-maTālib*, л. 10^a], и полагал, что мнение представителей басрийской школы предпочтительнее [*Bahth al-maTālib*, л. 57^a]. Вот что Ибн Фархат говорит об этом:

«Представители куфийской грамматической школы считают, что основой в словообразовании является [форма] прошедшего времени глагола, в то время как представители басрийской грамматической школы полагают, что основой является [форма] *масдара* (т. е. отглагольное имя действия). Мы не станем приводить все доводы. [Однако отметим, что] самый [правильный вариант] — у басрийцев, так как у *масдара* всего лишь одно значение — “событие”, а у глагола несколько — “событие и время” (الزمان). Один против нескольких» [*Bahth al-maTālib*, л. 10^a].

Однако не все придерживались такого мнения. Так, Саид аль-Хури аль-Шартуни (1847–1912) в комментарии к *Bahth al-maTālib* отмечал, что спор двух школ по этому поводу и поддержка мнения куфийских или басрийских грамматистов, которое освещалось в трудах более ранних лингвистов, является бессмысленным [Saʿīd al-Khūrī al-Shartūnī, 1899, с. 13].

Тем не менее поддержание куфийской или басрийской школы приводит к различным подходам. Так, Ибн Фархат утверждал, что на основе *масдара* образуются 9 производных форм [*Bahth al-maTālib*, л. 14^a]:

Производные формы от *масдара*

1.	Прошедшее время
2.	Настоящее-будущее время
3.	Повелительное наклонение
4.	Отрицательная форма повелительного наклонения
5.	Причастие действительного залога
6.	Причастие страдательного залога
7.	Имя времени и места
8.	Имя орудия
9.	Имя единичности

В то время как Замахшари пишет, что от глагола образуются следующие формы [Zamakhshari, 1999, с. 26]:

Производные формы от глагола

1.	Прошедшее время
2.	Настоящее-будущее время
3.	Повелительное наклонение
4.	Переходные глаголы
5.	Непереходные глаголы
6.	Причастие страдательного залога
7.	Глаголы суждения
8.	Глаголы неполного значения
9.	Глаголы близости действия
10.	Глаголы хвалы и порицания
11.	Глаголы удивления

Главной причиной такого различия в мнениях можно предположить то, что Замахшари в качестве основы словообразования брал форму прошедшего времени глагола, как представители куфийской грамматической школы, а Ибн Фархат — *масдар*, следуя традициям базрийской школы. Эти два примера показывают, что следование мнениям разных школ формирует различные подходы к одному и тому же грамматическому вопросу. Тем не менее вариант, предложенный Ибн Фархатом, близок к тому, что содержится в последующих работах по арабской грамматике [Ковалев, Шарбатов, 1998, с. 625–626].

Упрощение касалось также и аспектов имени. Рассмотрим пример из собственных имен — заимствованных (*tanqūl*). Замахшари выделяет шесть типов таких имен, включая нарицательные, *масдары*, прилагательные и глаголы

в разных формах (прошедшее, настоящее-будущее время, повелительное наклонение) [Zamakhshari, 1859, p. 5]. Ибн Фархат же ограничивается лишь одним типом — *maqūl*, образованным от глагола прошедшего времени, приводя в качестве примера город Алеппо (Сирия), название которого первоначально означало понятие «доить» — *halaba* [*Baḥth al-maTālib*, л. 60^в].

Более того, Ибн Фархат стремился разрешить разногласия в арабской грамматике. К примеру, одним из спорных вопросов арабской грамматики было образование множественного числа женского рода с помощью окончаний *alif* и *tā'*. Ранние ученые высказывали различные мнения по этому поводу. Одни считали, что буква *tā'* указывает как на множественное число, так и на женский род, а *alif* служит для различения единственного и множественного числа. Другие же утверждали, что *tā'* обозначает только женский род, а *alif* — множественное число [Ibn Ya'ish, 1973, с. 188].

Ибн Фархат предложил более простое и ясное объяснение этого явления. Он указал, что множественное число женского рода образуется путем добавления к основе слова как *alif*, так *tā'*. При этом он предложил их называть как «добавленные *alif* и *tā'*» чтобы отличить их от корневых букв слова. Например, в слове '*abyāt*' («дома», «стихи») имеются корневые *alif* и *tā'* [*Baḥth al-maTālib*, л. 49^в].

Ибн Фархат, говоря о метатезисе, (*al-qalb al-makāniy*) ограничился лишь пятью следующими словами: *jāh*, *hādī*, *qāsi*, '*ashyā'*', '*īsa*', несмотря на то, что примеров на метатезис достаточно (например, аль-Суюти (1445–1505) упоминал более двадцати слов в своем труде *al-Muzhir* («Лира») [Suyūṭī, 1907, с. 282–284]. Среди перечисленных слов самым спорным является слово '*ashyā'*' («вещи»). Так, представители басрийской школы Халил бин Ахмад (около 718 — около 791) и Сибавейхи (около 760 — около 797) полагали, что '*ashyā'*' не является множественным числом слова *shay'*, а представляет собой имя собирательное, корень которого *sh*, *y*, '*.*' Изначально он имел форму *shayā'u* в форме *fa'lā'u*. В то время как члены куфийской школы, такие как Абу аль-Хасан аль-Ахфаш (ум. в 830 г.), аль-Фарро (†761–822) и аль-Кисаи (953 — после 1000 г.), были не согласны с предыдущим мнением и, как Ибн Фархат, считали, что '*ashyā'*' — это множественное число слова *shay'* [Ma'mūn 'Abd al-Halīm Wajīh, 2010, с. 23]. Из этого можно предположить, что автор *Baḥth al-maTālib* не всегда поддерживал мнения первой грамматической школы, хотя очень лестно отзывался о ней и о ее выдающем представителе Сибавейхи, называя его «имамом грамматистов», и отмечая, что взгляды аль-Сибавейхи предпочтительнее, чем у всех остальных грамматистов [*Baḥth al-maTālib*, л. 57^в].

Что касается упрощения синтаксиса, Замахшари и Ибн Фархат предлагали разные правила для согласования сказуемого с подлежащим, обозначающим количество предметов. Замахшари считал, что если предметов меньше десяти, то глагол нужно поставить в третьем лице женского рода единственного числа *al-'ajDhā* ('*inkasarat* — «деревья сломались»), а если больше — в третьем лице женского рода множественного числа *al-juDhū* ('*inkasarna* — «деревья сломались») [Zamakhshari, 1859, p. 69]. Ибн Фархат же предлагал использовать одну и ту же форму для любого количества предметов: третье лицо женского рода

единственного числа *al-juDhū'* (*'inkasarat* — «деревья сломались») [*Bahth al-maTālib*, л. 70^в-71^а].

Ибн Фархат в своем труде рассматривает понятие «местоимение предмета речи» (*Damīr al-sha'n*). Это личное местоимение третьего лица, которое обычно стоит в начале предложения и указывает на тему высказывания. Например, в предложении *huwa zaydun qā'imun* «Он, Зейд, стоит» местоимение *huwa* является началом предложения и определяет, о ком идет речь [*Bahth al-maTālib*, л. 78^а]. При этом автор не приводит информацию о том, как это имеет место в *MufaSSal* [Zamakhshari, 1859, с. 54], что местоимение предмета речи может не только стоять в начале предложения, но и присоединяться к глаголу с помощью слитного местоимения. Например, в предложении *DHanantuhu zaydun qā'imun* («Я подумал, что Зейд стоит») местоимение «его» присоединяется к глаголу *DHanantu* («подумал») и также указывает на предмет речи — Зейда.

Так как речь зашла о местоимениях, следует отметить следующее. В арабском языке часто встречаются конструкции с «разделительными местоимениями», которые используются для разделения именного подлежащего и сказуемого в определенном состоянии, показывая, что сказуемое не является описанием подлежащего. Замахшари считал, что любое личное местоимение может быть разделительным. К примеру, *wa 'in kunna lanahnu al-Sālihuna* («Даже если мы праведники») [Zamakhshari, 1859, р. 53–54]. В то время как Ибн Фархат ограничивал их число 12 и считал, что они выражаются только местоимениями третьего лица, как *allah huwa al-kalima* («Бог есть Слово») [*Bahth al-maTālib*, л. 75^в-76^а].

Ибн Фархат, говоря о правильном множественном числе мужского рода, утверждал, что правильное множественное число мужского рода, сохраняющее структуру единственного числа, как, например, *al-qā'imūna* («стоящие»), бывает двух видов: первообразное для имен собственных, таких как, *buTrusu* — *buTrusūna* («Петр — Петры») и производное для качеств мужчины по формам *fāḡilun* и *'afḡalu*, за исключением прилагательных по формам *fa lānu*. Ряд исключений вроде *'ahlūna* («семья»), *'arDūna* («земли») и другие, которые образуются путем добавления окончания *-ūna*, именуются как «присоединенные слова к правильному множественному числу» (*al-mulhaqātu*) [*Bahth al-maTālib*, л. 49].

Следует отметить, что в российских и отечественных научных трудах арабская грамматика представлена с точки зрения европейского языкознания, что порождает утрату ею специфики традиционной арабской лингвистики. Так, Б. М. Гранде (1891–1974) при рассмотрении правильного множественного числа мужского рода не отмечал, что слова типа *'ahlūna* («семья») и другие являются «присоединенными словами к правильному множественному числу» [Гранде, 2001, с. 274]. Представляется, что это не совсем верно, и грамматику арабского языка необходимо изучать в основном по первоисточникам. Это дает возможность изучающему соприкоснуться с мышлением и сознанием арабского народа, а также всеми другими аспектами речевой деятельности, о которых говорит психолингвистика [Гранде, 2001, с. 273–274].

Следует отметить, что название термина «правильное множественное число мужского рода» (جمع المذكر السالم) менялось на протяжении веков. Сибавейхи, а следом за ним Ибн Йаъиш (1159–1246) называли его «множественным числом за пределами двойственного числа» (الجمع على حد التنثية). Аль-Харири (1054–1122) и аль-Мубаррад (826–898) обозначали его как «целое множественное число» (الجمع الصحيح). Ибн Сиродж (ум. в 929) определял его как «множественное число здравости» (جمع السلامة). Первыми, кто внес в арабскую лингвистическую традицию ныне используемое наименование, были аль-Шалубини (1166–1247) и Ибн аль-Хаджиб (1174–1249) [Haji Ibrāhīm al-Zawīd, 2007, с. 4]. Несмотря на то, что Ибн Фархат считал мнение Сибавейхи более предпочтительным, он, вероятно, решил использовать термин *jam' al-muzakkar al-sālīm*, следуя за Ибн аль-Хаджибом, чей труд пользовался популярностью в качестве учебника.

Более точные формулировки терминов, внесенные Ибн Фархатом

Наряду с упрощением, Ибн Фархат предложил более ясные формулировки лингвистических терминов. К примеру, он предложил более точно именовать слитные местоимения и повелительное наклонение. Идеи Ибн Фархата были подхвачены последующими грамматиками и воплощены в их трудах. Если Мухаммад Му'иззи выражение повелительного наклонения во II лице именовал как «повелительное наклонение без *lām*» (الأمر بغير اللام), а I и III — как «повелительные наклонения с использованием *lām*» (الأمر باللام) [Казакбаев, 2023, с. 155], то Ибн Фархат отмечал, что они делятся на две категории: первая — это повеление к лицу определенному (*'amr bi al-mukhāṭib al-maḡlūm*), а вторая — это повелительное наклонение, которое образуется путем добавления *lām* к глаголу. Это повеление направлено как к определенному лицу, так и неопределенному (*'amr bi al-lām maḡlūman wa majhūlan*) [Bahth al-maṭālib, л. 17^a–18^a]. Позднее Бутрус аль-Бустани в своем труде *Miftāh al-miṣbāh* перенял эту терминологию для обозначения повелительного наклонения [BuTrus al-Bustāni, 1854, с. 39].

В свою очередь, аль-'Иззи именовал повелительное наклонение в I и III лицах как «повеление отсутствующему лицу» (*'amr li al-ghā'ib*), а во II — лице — «повеление присутствующему лицу» (*'amr li al-hāḍir*) [Taftāzani, 2011, с. 47]. Думаю, что вариант, предложенный аль-'Иззи, не совсем точный, так как частица *lām* используется не только к III лицу, но и к I лицу, которое не является «отсутствующим», а скорее «присутствующим» лицом.

Ибн Фархат предлагал именовать их немного иначе, в более удачном варианте, который был использован последующими авторами, например, Б. М. Гранде (1891–1974) [Гранде, 2001, с. 571–572]. Так, слитные местоимения в значении именительного падежа (*al-Damā'ir al-muttaSila al-marfu'a*), в значении винительного падежа (*al-Damā'ir al-muttaSila al-manSūba*), в значении родительного падежа (*al-Damā'ir al-muttaSila al-majrūra*) [Bahth al-maṭālib, л. 15^a]. Эти же местоимения у Замахшари именовались следующим образом: *marfu' al-muttaSil*, *manSūb al-muttaSil*, *majrūr al-muttaSil* [Zamakhshari, 1859, с. 52].

Новые понятия в синтаксисе, внесенные Ибн Фархатом

Следует отметить, что Ибн Фархат внес новые понятия в синтаксис. В отличие от ранних лингвистов, Ибн Фархат предлагает классификацию предложений, разделяя их на: именные, глагольные и подчиненные предложения (*al-jumla al-tābi a*)⁷, которые начинаются с частиц и подчиняются слову после частицы, к примеру, *hal buTrusu qā'imun* «Стоит ли Петр?». К сожалению, последующие авторы не поддержали новаторскую классификацию предложений Ибн Фархата. К примеру, Бутрус аль-Бустани в своей книге указывает всего лишь две разновидности предложений: именные и глагольные [BuTrus al-Bustāni, 1854, с. 315].

Тем не менее последующие ученые поддерживали позицию Ибн Фархата по другим вопросам, касающимся синтаксиса арабского языка. К примеру, это касается вопроса о «самых больших» и «самых маленьких» предложениях. Хотя ранние авторы упоминали об этих видах предложений под различными терминами, разработчиком этой темы считается Ибн Хишам (ум. в 1360), который разделял именные предложения на «самые большие» (*al-jumla al-kubra*), сказуемое которых выражено предложением. Например, в предложении *zaydun qata 'abūhu* («Зейд, отец его встал») сказуемое выражено «самым маленьким» (*al-jumla al-Sughra*) предложением *qata 'abūhu* («Отец его встал») [Ibn Hishām, 2016, с. 262]. Ибн Фархат, развивая данную тему, разделил предложения на четыре вида:

- 1) «самое маленькое предложение», т. е. где сказуемое выражено предложением. Например, *buTrusu 'akhūhu mu'minun* («Брат Петра верующий»), в данном предложении *'akhūhu mu'minun*, которое является «самым маленьким предложением», выступает в роли сказуемого *buTrusu*;
- 2) «самое большое предложение» как *buTrusu 'akhūhu mu'minun* («Брат Петра верующий»);
- 3) «самое маленькое и большое предложения» использованы вместе в одном предложении. Как, *buTrusu 'akhūhu tilmiDhun munTaliqun* («Брат Петра — его блестящий ученик»);
- 4) предложение не маленькое и не большое, где сказуемое выражено словом в единственном числе. Например, *buTrusu rasūlun* («Петр — апостол») [*Bahth al-maTālib*, л. 139].

Именно такую классификацию заимствовал Бутрус аль-Бустани в своем самостоятельном труде, представив ее в более доступной форме, нежели сам Ибн Фархат [BuTrus al-Bustāni, 1854, с. 315–316].

Более того, Ибн Фархат расширил категорию грамматических явлений. К примеру, в разделе об именах, которые ставятся в именительном падеже (*marfū'āt*), в число которых входят подлежащее глагольного предложения, подлежащее при глаголе страдательного залога, подлежащее именного предложения и сказуемое именного предложения [*Bahth al-maTālib*, л. 70^a-113^a].

⁷ Термин *al-jumla al-tābiḡa* использовался более ранними авторами в значении предложения, являющегося приложением к другому предложению (см: [Ibn Hishām, 2016, р. 50–51]).

В отличие от Замахшари и Ибн Аджуррума (1273–1323), Ибн Фархат также в этот раздел включил тему *tanāzu'*, которая означает выражение, где два управляющих слова направлены на одно управляемое слово, как например, *Darabtu wa 'akramani Zaydun* («Я побил Зайда, и он зауважал меня») [*Baḥṭh al-maTālib*, л. 71⁸].

Более того, Ибн Фархат в категорию *marfū'āt* включил и еще один вид именного предложения *ishtighāl*, т. е. отвлечение глагола от своего объекта (الاشتغال)⁸. Автор при этом отметил, что *ishtighāl* бывает двух видов: первый, когда дополнение ставится в начале предложения, за ним следует сказуемое с возвратным местоимением, т. е. управляющее слово-фактор. К примеру, *Zaydun Darabtuḥu* («Я побил Зайда», дословно — «Зейд, я его побил»). Второй вид: в начале предложения ставится дополнение, следом идет сказуемое, далее первый член сопряженного состояния с возвратным местоимением к дополнению. Например, *Zaydun Darabtu 'akhāhu* («Я побил брата Зайда», (дословно — «Зейд, я побил его брата») [*Baḥṭh al-maTālib*, л. 76].

Следует отметить, что сторонник упрощения арабской грамматики аль-Куртуби критиковал языковые явления *tanāzu'* и *ishtighāl*. Относительно первого он считал, что у слова-фактора не может быть нескольких одинаковых управляемых. Что касается второго, то по мнению ученого, управляющее слово-фактор всегда предшествует управляемому слову. Более того, он утверждал, что простые исходные аксиомы с течением времени превратились в переусложненное теоретическое построение, которое необходимо упразднить как ненужное [Нурманова, 1994, с. 14]. Видимо, предложение ученого не нашло поддержки у грамматистов, и предложения в виде *tanāzu'* и *ishtighāl* активно использовались в XVIII в., в результате чего Ибн Фархат включил их в свой труд.

Разницу между взглядами на грамматические явления Замахшари и Ибн Фархата можно проследить и в главе о категориях определенности и неопределенности. Ибн Фархат утверждает, что «неопределенное состояние — это корень, а определенное ее ветвь. Именем в неопределенном состоянии является каждое нарицательное имя, к которому можно добавить определенный артикль *al*, как, например, *al-rajul* («мужчина») и *al-Dārib* («бьющий»)». Ибн Фархат, цитируя аль-Харири, пишет, что «неопределенное состояние имени можно также определить, добавив к нему *rubba*, как, например, *rubba rajulin mu'minin laqīṭuḥu* — «возможно, я встретил верующего мужчину»» [*Baḥṭh al-maTālib*, л. 59⁹].

Более того, по словам Ибн Фархата, определенный артикль *al* заимствован из вопросительной частицы *hal* (–ли) [*Baḥṭh al-maTālib*, л. 63⁹]. Замахшари в своем произведении по этому поводу привел мнения двух исследователей: Сибавейхи и Халила бин Ахмада (718–786). Первый считал, что определенный артикль — это буква *l*, а *hamza*, которая добавляется к нему, эта всего лишь *васлированная hamza*, как в словах *'ibnun*, *'ismun* («сын, имя»). В свою очередь, Халил полагал, что артикль *al* — это та же частица, что и *ba*, *hal* (но, ли), одна-

⁸ Т. е. оборот, при котором имя–дополнение выделяется и ставится в именительном падеже в начало предложения, а управление глагола переносится на личное местоимение, указывающее на это имя [Гранде, 2001, с. 558].

ко сокращенная из-за частого использования [Zamakhshari, 1859, p. 153]. Вышеприведенное свидетельствует о том, что, несмотря на то что как Сибавейхи, так и Халил принадлежали к одной грамматической школе, т. е. басрийской, у каждого из ученых были свои взгляды по поводу артикля. Поддержка точки зрения первого или второго зависела от позиции самого лингвиста, а в нашем случае Ибн Фархата, который в данном вопросе разделял мнение Халила бин Ахмада.

Замахшари и Ибн Фархат предлагали разные классификации именных сказуемых. Замахшари включал в эту категорию даже условные придаточные предложения, считая их разновидностью именного предложения. Ибн Фархат же ограничивался более узким пониманием именного сказуемого, не включая в него условные конструкции. Он предлагал рассматривать конструкции с именем и предлогом в родительном падеже как отдельный тип.

Влияние идей Ибн Фархата на последующие грамматические труды

Идеи Ибн Фархата по упрощению арабской теории были продолжены последующими лингвистами, в том числе и Бутрусом аль-Бустани в *Miftāh al-miSbāh*. Ряд видных общественных деятелей и литераторов, к примеру, журналист и лингвист Шейх Юсуф аль-Асир (1869–1870), ливанские писатели Халил аль-Хури (1836–1907), филолог и критик Шейх Ибрагим аль-Йазиджи (1847–1906) и другие высоко оценили труд Бутруса аль-Бустани, назвав его «наилучшим достижением в упрощении грамматики арабского языка» [BuTrus al-Bustāni, 1854, c. 143–144]. Вышеприведенное дает основание полагать, что высокая оценка трудов Бутруса аль-Бустани во многом обусловлена тем фундаментом, который был заложен Ибн Фархатом в его работе *Bahth al-maTālib*. Аль-Бустани, следуя примеру Ибн Фархата, сохранил последовательность изложения грамматических тем и методические подходы, однако смог развить эти идеи, подняв их на новый уровень. Таким образом, можно говорить о непрерывности традиции упрощения арабской грамматики, начатой Ибн Фархатом.

Бутрус аль-Бустани не придает предисловию христианский контекст, а всего лишь отмечает, что «старался избежать скучных подробностей и непонятных сокращений, которые являлись бесполезными камнями в горах произведений по арабской грамматике, и стремился упростить выражения для быстрого понимания и заучивания правил студентами» [BuTrus al-Bustāni, 1854, c. 3–4].

Более того, аль-Бустани отказывается от цитат из Евангелия в качестве примеров, как в *Bahth al-maTālib*, тем самым он освобождает грамматику от религиозных контекстов и придает ей светский характер. Еще в XII в. Ибн Мада аль-Куртуби отмечал, что перед грамматикой открыты два пути: либо остаться чисто филологической наукой, опирающейся на знание лексики, поэзии, истории и на собственный метод рассуждения, либо опереться на метод религиозных наук, где авторитарный момент доминирует над рациональным [Нурманова, 1994, с. 11]. Таким образом, к XVIII–XIX вв. арабская грамматика выбирает первый путь, предложенный аль-Куртуби, т. е. она становится филологической наукой.

Аль-Бустани, опираясь на методологическую основу, заложенную Ибн Фархатом, разрабатывает собственную систему изложения арабской грамматики, при этом он не приводит цитаты из Священного Писания в качестве примеров. Между тем, он вносит существенные инновации, представляя грамматические парадигмы в виде таблиц, что визуализирует материал и облегчает его усвоение. Такой подход, особенно ярко выраженный в представлении спряжения глаголов и склонения местоимений, становится отличительной чертой его грамматического трактата. Следует отметить, что европейские [Wright, 1896, с. 299–318] и российские [Гранде, 2001, с. 515–544] авторы в дальнейшем заимствуют эти таблицы в своих работах.

Новаторством аль-Бустани также является дополнение главы о спряжении глаголов и спряжении деепричастий действительного и страдательного залогов с прямыми дополнениями («я побил его»; «я бью его»; «бей его»; «бьющий его»; «избитый»), выраженными слитными местоимениями, которые автор именует *al-Dama'ir al-mushtaraka* («общие местоимения»), вместо *al-Dama'ir al-muttaSila* («слитные местоимения») и приводит их в таблице [BuTrus al-Bustāni, 1854, с. 37–39].

Таким образом, ученые, продолжавшие традиции Ибн Фархата, придерживались его методологического подхода, ориентированного на практическое применение грамматических знаний. В отличие от многократной переработки своих трудов, характерной для Ибн Фархата, аль-Бустани предлагал более рациональное решение: создание отдельного приложения *taDhnīb* для исправления допущенных ошибок. Этот подход демонстрирует эволюцию методов научной редактур в арабской грамматике [BuTrus al-Bustāni, 1854, с. 40–41].

Следует отметить, что в течение достаточно короткого времени трактат Ибн Фархата приобрел популярность и был признан европейскими учеными, которые широко использовали *Bahth al-maTālib* в своих грамматических сочинениях. Как пример можно привести В. Райта (W. Wright, 1830–1889), преподавателя арабского языка в Кембриджском университете, который перевел книгу С. П. Каспари (C. P. Caspari, 1814–1892) по грамматике арабского языка с немецкого на английский язык с многочисленными дополнениями и исправлениями. В предисловии он писал, что за основу редакции он взял сочинения классических арабских грамматистов, таких как *Alfiyya* Ибн Малика, *MufaSSal* аль-Замахшари, *Lamiyāt al-afġāl* («Третья коренная согласная глаголов») Ибн Малика, а также произведения современных грамматистов, среди которых он отмечает *Bahth al-maTālib* в редакции Бутрус аль-Бустани [Wright, 1896, с. 7]. Более того, вероятно, что большинство нововведений, сделанных Ибн Фархатом в *Bahth al-maTālib*, в особенности последовательность грамматических тем, заложенная в его труде, легла в основу последующих книг, написанных европейскими учеными. Например, вышеупомянутый С. П. Каспари, следуя за Ибн Фархатом, в начале своей книги говорил о буквах арабского алфавита, огласовках и т. д. Затем он рассматривал глаголы, их производные породы, останавливался на именах, а после освещал вопросы синтаксиса [Caspari].

Заключение

Таким образом, *Bahth al-maTālib* можно по праву считать новым этапом в развитии арабской лингвистической традиции. Этот трактат доказал, что грамматические труды по арабскому языку могут составляться не только по мусульманским традициям, но и в христианском контексте, даже с использованием цитат из Евангелия и др. в качестве примеров.

Ибн Фархат предпринял попытку систематизировать, упорядочить и упростить обширный и часто противоречивый материал, накопленный предшественниками грамматиками. Он создал трактат, в котором собрал основные правила грамматики, при этом ученый сознательно отказался от глубокого анализа морфологических и стилистических особенностей языка, сосредоточившись на фундаментальных понятиях. Местами он все же вводил новый подход к тому или иному синтаксическому вопросу, что еще раз доказывает, что у автора *Bahth al-maTālib* был свой субъективный взгляд на арабскую грамматику. Это, безусловно, проявляется как в классификации предложений, так и в дальнейшей разработке более ранних понятий, которые впоследствии были заимствованы другими авторами. Ибн Фархат является одним из первых, кто пытался объяснить правила арабской грамматики в европейском стиле, и это, безусловно, стало особенностью трактата *Bahth al-maTālib*, рассчитанного на то, чтобы обучать языку людей разных уровней погружения в него.

Идеи Ибн Фархата были подхвачены последующими исследователями, которые не только развили, но и подняли их на новый уровень. Грамматика арабского языка, подаваемая Ибн Фархатом на христианский манер, в работах ученых нового поколения вышла за рамки чисто мусульманского пространства и приобрела светский характер. В их работах были уже исключены примеры из Священных книг, и заложенная Ибн Фархатом методика освоения языка стала отправной точкой для последующих грамматических трудов.

Список литературы / References

1. Адрианов А. *История арабского языка*. Ближневосточный клуб НСО МГИМО [Adrianov A. *History of the Arabic language*. Middle East Club of the NSO MGIMO (in Russian). — Электронный ресурс: URL: https://vk.com/@mgimo_middle_east_club-istoriya-arabskogo-yazyka (accessed: 12.12.2023)].
2. Акмалхонов А. *Sakkokiyning "Miftahu-l-ulum" asarida nahv va sarf masalalari*. Sharq mumtoz adabiyoti va manbashunoslik filologiya fanlari bo'yicha falsafa doktori (PhD) ilmiy darajasini olish uchun yozilgan dissertatsiya. Toshkent, 2020 (на узб. яз.). [Akmalkhonov A. *Issues of grammar and usage in Sakkoki's work "Miftah-ul-ulum"*. Dissertation written for the degree of Doctor of Philosophy (PhD) in the field of Oriental classical literature and source studies. Tashkent, 2020 (in Uzbek)].
3. Галиметдинова О. В. Герман Фархат (1670–1732), маронитский архиепископ: жизнь и избранные труды. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гос. ун-та (ПСТГУ)*. М., 2022. Серия III: Филология. Вып. 73. С. 9–28 [Galimetdinova O. V. German Farhat (1670–1732), Maronite archbishop: Life and Selected Works. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon State University (OSTSU)*. Moscow, 2022. Series III: Philology. Issue 73, pp. 9–28 (in Russian)].

4. Гранде Б. М. *Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении*. 2-е изд. М.: Восточная литература, 2001 [Grande B. M. *Course of Arabic grammar in comparative-historical coverage*. 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001 (in Russian)].
5. Ибн Фархат. *Bahth al-maTālib wa hathth al-Tālib*. Рукопись в фонде Национальной библиотеки Израиля в Иерусалиме. Инв. № 397. Л. 1^в–105^а. [Ibn Farhat. *Bahth al-maTālib wa hathth al-Tālib*. Manuscript in the collection of the National Library of Israel in Jerusalem, Inv. No. 397. Sh. 1b–105a (in Arabic). — Available from: URL: [https://www.nli.org.il/ar/manuscripts/NNL_ALEPH003366587/NLI#\\$FL144668385/](https://www.nli.org.il/ar/manuscripts/NNL_ALEPH003366587/NLI#$FL144668385/) (accessed: 20.07.2024)].
6. Казакбаев А. *Muhammad Mu'izziyning "Tasrif al-af'al" asarining sarf ilmi rivojidagi ahamiyati*. Filologiya fanlari bo'yicha falsafa doktori (PhD) dissertatsiyasi. Toshkent, 2023 (на узб. яз.) [Kazakbaev A. *The significance of Muhammad Mu'izzi's work "Tasrif al-af'al" in the development of the science of sarf*. Doctor of Philosophy (PhD) dissertation in philological sciences. Tashkent, 2023 (in Uzbek)].
7. Ковалев А. А., Шарбатов Г. Ш. *Учебник арабского языка*. М.: Восточная литература, 1998 [Kovalev A. A., Sharbatov G. Sh. *Textbook of the Arabic language*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1998 (in Russian)].
8. Крымский А. Е. *История новой арабской литературы (XIX — начало XX века)*. В 2 ч. Ч. 1. 2-е изд. М.: Юрайт, 2022 [Krymsky A. E. *History of new Arabic literature (XIX — early XX centuries)*. In 2 parts. Part 1. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2022 (in Russian)].
9. Нурманова А. А. «Ответ грамматистам» Ибн Мала ал-Куртуби как памятник лингвистической мысли арабов XII в. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филолог. наук. М.: Ин-т стран Азии и Африки, 1994 [Nurmanova A. A. *"Answer to the Grammarians" by Ibn Mala al-Qurtubi as a monument of linguistic thought of the Arabs of the 12th century*. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Moscow: Institute of Asian and African Countries, 1994 (in Russian)].
10. Родионов М. А. *Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья*. М.: Наука, 1982 [Rodionov M. A. *Maronites. From the ethnoconfessional history of the Eastern Mediterranean*. Moscow: Nauka, 1982 (in Russian)].
11. Рыбалкин В. С. *Классическое арабское языкознание*. Киев: Стилос, 2003 [Rybalkin V. S. *Classical Arabic linguistics*. Kyiv: Stylos, 2003 (in Russian)].
12. Сериков Н. И. Маронитский писатель Гавриил Герман Фархат (1670–1732) и его попытки включения сочинений христианских арабских авторов в «виртуальный каталог» арабской мусульманской литературы. *Ориенталистика*. 2020;3(1):143–159. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-143-159. [Serikov N. I. Maronite writer Gabriel German Farhat (1670–1732) and his attempts to include works of Christian Arab authors in the "virtual catalog" of Arab Muslim literature. *Orientalistica*. 2020;3(1):143–159. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-143-159 (in Russian)].
13. Сарабьев А. В. Герман Фархат. *Православная энциклопедия*. Т. 11. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006. С. 358–359 [Sarabyev A. V. German

- Farhat. *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 11. Moscow: Central Scientific Center "Orthodox Encyclopedia", 2006, pp. 358–359 (in Russian)].
14. Ханафеева А. М. Арабская языковедческая традиция. *Вестник Челябинского гос. ун-та*. Челябинск, 2008. № 9. С. 157–163 [Khanafeeva A. M. Arabic linguistic tradition. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. Chelyabinsk, 2008. No. 9, pp. 157–163 (in Russian)]
 15. Ibn Ya'īsh. *Sharh al-mulūki fi al-taṣrīf* (Commentary on al-Mulūki in Morphology). Halab: maṭabiʿ al-maktaba al-ʿarabiyya, 1973 (in Arabic).
 16. Buṭrus al-Bustāni. *Miftāḥ al-miṣbāḥ fi al-sarf wa al-naḥw li al-madāris* (A Key to Morphology and Grammar for Schools). Beyrūt: al-maṭbaʿa al-ʿamīrikāniyya, 1854 (in Arabic).
 17. Caspari C. P. *Arabische Grammatik*. Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1876.
 18. Ḥajī Ibrāhīm al-Zawīd. *ʾArshīf muntadi al-faṣīḥ* (Archive of the Al-Fasih Forum). Beyrūt: al-Maktaba al-ʿarabiyya, 2007 (in Arabic).
 19. Edwards A. *Performing Arabic at the Learned Societies of Beirut, 1846–1869*. Diss. ... PhD. Austin: University of Texas at Austin, 2015.
 20. Buṭrus al-Bustāni. *Kitāb miṣbāḥ al-tālib fi baḥṭh al-maṭālib* (The Book Miṣbāḥ al-tālib on the Investigation of Questions). Beyrūt: [without a publisher], 1854 (in Arabic).
 21. Ma'mūn ʿAbd al-Ḥalīm Wajīḥ. *Al-qalb al-makāniyy fi al-binya al-ʿarabiyya* (The Spatial Center in Arabic Structure) Fayūm: jāmiʿa al-fayūm, 2010 (in Arabic).
 22. Ibn Hishām. *al-iṣrāb ʿan naḍḥm qawāʿid al-iṣrāb*. (A Commentary on the Organized Rules of Arabic Grammar). al-Qāhira: al-maktaba al-ʿasriyya, 2016 (in Arabic).
 23. Saʿīd al-Khūrī al-Shartūnī. *Baḥṭh al-maṭālib fi al-ʿilm al-ʿarabiyy* (Study of Issues in the Science of the Arabic Language). Beyrūt: maṭbaʿa al-mursālīna al-yasūyīna, 1899 (in Arabic).
 24. Suyūṭī. *al-Muḥṣir fi ʿulūm al-luḡa* (Al-Muḥṣir in the Sciences of Language) al-Qāhira: maktaba jāmiʿa al-azhar, 1907 (in Arabic).
 25. Taftāzāni. *Sharh taṣrīf al-ʿIzzī*. (A Commentary on Taṣrīf al-ʿIzzī in Arabic Morphology). Beyrūt: Dār al-minḥāj, 2011 (in Arabic).
 26. Danks W. R. *The Arabic Verb: Form and meaning in the vowel-lengthening patterns*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011.
 27. Wright W., LL. D. *A grammar of the Arabic Language*. Transl. from the German of Caspari. Third Ed. Vol. I. Cambridge: At the University Press, 1896.
 28. Zamakhshari. *Al-Mufaṣṣal*. (The Detailed Book on the Art of Arabic Grammar). Ed. by J. B. Broch. Christianiae: Libreria P. T. Mallinḡii, 1859 (in Arabic).
 29. Zamakhshari. *Al-Unmūzaj fi al-naḥw* (The Model in Grammar). al-Qāhira: [without a publisher], 1999 (in Arabic).
 30. Erpenii Thomae. *Rudimenta linguae Arabicae*. Leidae: Ex Typographia Avctoris, 1620.

Информация об авторе

Ишанханова Мухлисабону Тургуновна — доктор философии по филологическим наукам (PhD), преподаватель Кафедра арабского языка и литературы «аль-Азхар», Международная исламская академия Узбекистана, Ташкент, Узбекистан; ishankhanovamuxlisabona@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0221-0556>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 07.04.2025; одобрена рецензентами 16.06.2025; принята к публикации 10.07.2025; опубликована 15.12.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Mukhlisabonu T. Ishankhanova — PhD (Philol.), Lecturer of the Department of Arabic Language and Literature “Al-Azhar”, International Islamic Academy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan; ishankhanovamuxlisabona@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0221-0556>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 07.04.2025; approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication 10.07.2025; published 15.12.2025.

The author has read and approved the final manuscript.